

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П71

Редакционный совет проекта «Президентская историческая библиотека» серии «Победа»:

Нарышкин С.Е. — председатель Российского исторического общества, председатель Редакционного совета
Афанасьев М.Д. — член совета Российского исторического общества, директор Государственной публичной исторической библиотеки России
Бак Д.П. — член совета Российского исторического общества, директор Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля
Варламов А.Н. — ректор Литературного института им. А.М. Горького
Могилевский К.И. — член Президиума Российского исторического общества, член Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»
Новиков О.Е. — президент Издательской группы «Эксмо-АСТ», заместитель председателя Редакционного совета
Петров Ю.А. — член Президиума Российского исторического общества, директор Института российской истории РАН
Полонский В.В. — директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Хорошилов П.В. — член Правления Российского исторического общества, ответственный секретарь Редакционного совета
Чубарьян А.О. — сопредседатель Российского исторического общества, академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН

Редакционная коллегия проекта «Президентская историческая библиотека» серии «Победа»:

Абрамова М.Н. — председатель Редакционной коллегии, председатель Комитета Российского книжного союза по региональному развитию
Быстрова О.В. — ответственный редактор тома «Публицистика», старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Гребенева Е.Н. — руководитель направления по взаимодействию с региональными органами государственной власти Издательской группы «Эксмо-АСТ»
Дмитренко С.Ф. — ответственный редактор тома «Поэзия», проректор по научной и творческой работе Литературного института им. А.М. Горького
Илларионова Э.О. — ответственный секретарь Редакционной коллегии, координатор проекта «Президентская историческая библиотека»
Кожанова Е.С. — директор департамента стратегических коммуникаций Издательской группы «Эксмо-АСТ»
Пенская Е.Н. — ответственный редактор тома «Драматургия», ординарный профессор Высшей школы экономики, руководитель Школы филологии факультета гуманитарных наук (Москва)
Фокин П.Е. — ответственный редактор томов «Проза», историк литературы, заведующий отделом «Дом-музей Ф.М. Достоевского» ГМИРЛИ им. В.И. Даля
Шапошников К.А. — заведующий справочно-библиографическим отделом Государственной публичной исторической библиотеки России

П71 **Президентская историческая библиотека. 1941—1945.**
Победа. II. Проза. Т. 2 / составление, вступительная статья
и биографические справки П.Е. Фокина. — Москва : Экс-
мо, 2020. — 448 с.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Паустовский К.Г., наследники, 2020
- © Платонов А.П., наследники, 2020
- © Фиш Г.С., наследник, 2020
- © Леонов Л.М., наследники, 2020
- © Нагибин Ю.М., наследник, 2020
- © Шолохов М.А., наследники, 2020
- © Эренбург И.Г., наследник, 2020
- © Симонов К.М., наследники, 2020
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109783-7

1943

ФЕДОР ПАНФЕРОВ

Федор Иванович Панферов (20.09.(02.10).1896, Павловка, Хвалынский уезд, Саратовская губ. — 10.09.1960) — прозаик, драматург, журналист, общественный деятель. В 1924—1931 годах — редактор журнала «Крестьянский журнал», с 1931-го — главный редактор журнала «Октябрь». Автор эпопеи «Бруски» (1928—1937). В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Правда», выезжал на фронт, бывал в командировках на эвакуированных заводах в Сибири и на Урале. Опубликовал сборник рассказов «Своими глазами» (1942). За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны II степени (1945), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1945). В 1945—1947 годах создал трилогию о Великой Отечественной войне и послевоенной жизни «Борьба за мир».

Публикуемый рассказ напечатан в коллективном сборнике «Друзья, отомстите за нас!» (Иркутск: Обл. изд., 1943).

«ДРУЗЬЯ, МСТИТЕ ЗА НАС!»¹

1.

Весенние потоки несутся с гор. На возвышенности на припеках, продираясь сквозь корку, уже зеленеют травы. И почки лопнули на иве.

Весна! Кажется, ничто не изменилось в мире. Вон летят три скворца. Скворцы ведь всегда с юга летят на свои старые, насиженные места. Вот они пересекли березовую рощу. Сели. Они еще серые, уставшие от дальнего пути. Сели и недоуменно повели головками. Где-то вот тут были их насиженные места — скворешни, построенные детскими заботливыми руками. А сейчас всюду развалины, обгорелые трубы печей, страшные глазницы-воронки от взрывов бомб и — тишина. Только носится весенний игривый ветер да слышно, как звенят весенние потоки.

— С военной точки зрения какой смысл был немцам сжигать это село? — спрашиваю я генерала.

— Какая может быть у бандита точка зрения? — отвечает генерал. — В квартиру забирается бандит. Ему надо утащить чемоданы. В это время просыпаются мать и ребенок. Что он делает? Убивает мать и ребенка. Почему? Какой смысл? А потому, что боится свидетелей. И здесь — не военная точка зрения, а страх бандита перед свидетелем... Ведь село-то лежало в стороне от боя.

— Родимые! — вдруг услышали мы и повернулись в сторону реки.

---

¹ Впервые опубликовано в газете «Правда» 10 апреля 1943 г., № 94.

Из-под обрыва, еле передвигая ноги, идет старушка, ведя за руку растрепанную пожилую женщину. Пройдя несколько метров, старушка остановилась, передохнула и, покачиваясь, снова заговорила:

— Родимые! Тут, что ль, наше-то село? Я что-то уж и дороги-то все перезабыла.

— А какое ваше село, бабушка?

— Верхняя Залегощь¹. Да и какая я тебе бабушка! Я, чай, моложе тебя, родимый: всего-то мне тридцать шесть лет.

— Верхняя Залегощь? Вот это и есть село Верхняя Залегощь, — генерал показал на развалины. — А кто это с вами?

— Это? Сестра моя Агаша. Она Агаша, а я Маша. По отцу-то Овчинниковы мы, а по мужьям — она Засолова, а я Савельева. Петя-то мой у вас... и у нее Василий там у вас. А она, вишь ты, помешалась... А это, значит, наше село? И-и-их, ты-ы-ы, — и вдруг из глаз женщины градом посыпались слезы. Минуту спустя она присела на почерневший от пожара камень и, не отпуская от себя своей сестры, то и дело говоря ей: «Агашенька, присела бы», — рассказала нам страшную историю села Верхняя Залегощь.

2.

Год. Почти год мучительного унижения. Коров отобрали. Лошадей, овец отобрали. Полы в хатах выломали на блиндажи. Свинья с ногами забралась на стол.

---

¹ Село в Орловской области.

— Что-то хрюкают. На своем языке что-то хрюкают. Не поймешь языка, а дела все понятны — тащат, воруют, да еще над тобой издеваются. Ну, да ладно, тащи, пес с тобой: мы своим трудом еще наживем, время придет. Нет, он и в душу лезет грязными лапами, жизнь нашу клянёт, издевается над самым святым нашим. Стоишь этак, опустишь голову, слушаешь, а внутри все кипит, и дума злая: «Ах, стервец, придет час, спустят с тебя твою шкуру поганую». А он подойдет да кулаком тебя под подбородок: дескать, гляди мне в глаза, а не на пол.

Егор Иванович Засолов у нас был — свекор Агашин. Степенный старик. Разумный. Не выдержал издевки такой да и скажи прямо: «Нас на колени не свалишь, зря стараетесь». Так что они с ним сделали? Язык ему отрезали да и пустили старого по улице. Бежит он, руками машет, а изо рта кровь хлещет. Упал на дороге, и смерть ему. Все село ахнуло. Затаилось. А внучка, дочка Агашина, — двенадцать лет ей. Глупенькая. Письмо начала отцу своему, Василию, писать. Знала ведь — отослать нельзя, да так, дескать, хоть на бумаге с отцом поговорю. Агаша ей говорит — не надо, а она свое. Ну и написала: «Папанька! Что с нашей-то жизнью тут на-безобразили. Дедушке язык вырезали...» Не дописала, а немец цоп письмо — и переводчику.

Был у нас на селе мерзавец такой, из русских, да, видно, кровь-то в нем собачья. Тот перевел. Немец улыбнулся. Это их главный был. Солдат своих позвал. Семеро их было. Что-то сказал. Ох, — Маша Савельева глубоко вздохнула, на какую-то секунду задержалась, задыхаясь, затем собралась с силами и обратилась к генералу: — У вас детки есть?

— Четверо, — ответил тот.

— Ну, вот... И дочки есть? Так пускай у всех, у кого дочки есть, сердце дрогнет... Солдаты кинулись на Зинушку. Господи! При всех ведь. При всем народе... На улице... подлецы. Кричит она, Зинушка-то, кричит: «Маманька! Да что они со мной делают? Маманька!» А она что — маманька? Вот она, маманька-то, — Маша Савельева посмотрела на свою сестру. — Тронулась после этого. Бегает, рвется к дочке своей, а солдаты ее отталкивают. Ну, вот она, маманька-то, на всю жизнь без разума осталась. Агашенька! А ты присядь. Присядь, Агашенька, да и шаленку-то поправь. Вишь, вроде нечесаная ты.

Агаша Засолова криво улыбнулась и вдруг подпрыгнула на одной ноге.

— Эх ты, все собираешься к Василию своему ускакать. Нет уж, не ускачешь теперь. Меня приставили к ней. Вот и ходим. Агаша и Маша, Маша и Агаша, Агаша и Маша. — Маша Савельева вдруг вся встрепенулась, болезненно улыбаясь. — Заговариваться я стала. Веду ее и все бормочу: «Маша и Агаша. Агаша и Маша». Две ведь нас на селе-то осталось — Маша и Агаша, Агаша и Маша...

3.

А это уже произошло совсем недавно, в один весенний день, когда лопался лед на реках. За несколько дней перед этим на промерзшей дороге старик Вавилов Иван Кузьмич с разрешения старосты подобрал мертвого старика Егора Ивановича Засолова, своего друга детства. Он же поднял на улице истерзанную, поруганную, мертвую двенадцатилетнюю внучку Засолова Зину. Их похоронили вместе — Зину и деда. Хоронили молча.

Только когда смотрели друг на друга в глаза — видели, какая злоба кипит в них.

— Немцы думали безобразием своим на колени нас бросить, а вышло другое. Молчим мы, да ведь злость в глазах не скроешь: она кипит. Видят это немцы и стали страху набираться. Сбежались все в одну хату — к Вавилову Ивану Кузьмичу. Пулемет в дверях выставили. Дескать, нас только тронь. Да ведь людскую ненависть никакими пушками не расстреляешь.

Один только Вавилов немцам улыбается, шапку перед нами снимает, в поклонах изгибается. Непонятный казался он нам. Немцы его по плечу хлопают, вот, дескать, молодец какой. Ой, какой молодец. А мы на него смотрим еще злее, чем на немцев. «Предатель, проклятый», — думаем. К себе в хату немцев пригласил. Угощает, в землю башкой своей старой стучит. Ах, змея подколодная!

Маша снова передохнула, посмотрела куда-то в небо и продолжала:

— Мужиков-то настоящих у нас на селе не было. Одни в Красную Армию ушли, других немцы к себе угнали. Остались только старики да такие — хроменькие. Учитель Лагутин остался, хроменький. Молчком жил, а дела его мы все знали. Сам он решил с Вавиловым покончить. И уже все приготовил.

А тут в одну ночь вот что случилось. Хата старика Вавилова запылала. Прибежали мы, смотрим — кругом горит, немцы в окна рвутся, а они снаружи дубовыми кольями подперты, дверь приперта, а на крыше сам старик Вавилов. Страшный. Стоит этак, огнем освещен, руки вскинул, ветер волосы на голове вздыбил. Стоит и что есть мочи кричит: «Народ! Прости меня за покло-

ны низкие мерзавцам. Прости! Не от души кланялся, а злость несусветную прикрывал». А пламя в эту минуту как схватит его и вместе с крышей проглотило... Ну, царство ему небесное, а в народе память на веки вечные.

Мы молчим. У Маши Савельевой тихо льются слезы. Она даже не вытирает их, а только ласково говорит своей сестре:

— Агашенька, ты бы поплакала, а-а? Поплачь, может, разум к тебе вернется...

А недалеко от нас на полях пучится просыревший снег. Земля зовет к себе пахаря. Земля зовет к себе честного человека и сулит ему за труды урожай. Земля! Ждала ли ты, что на твоих полях, около твоих оврагов бандиты так будут расправляться с честными людьми. Засолов Егор Иванович. Дед Вавилов Иван Кузьмич. Девочка Зина. О вас — о героях народа — думаем мы сейчас...

— Что ж потом-то было? Почему двое-то вас всего и осталось на селе? — нарушая тишину, спросил один из молодых бойцов, подошедших к нам.

Маша дрогнула. Посмотрела на молодого бойца.

— Две-то? Да ведь потом такое началось... Все, кто мог, к партизанам ушли. Даже портной Савелий Брыков — у него одна нога человеческая, а другая деревянная, — и тот к партизанам уковывлял. Остались только те, кому податься нельзя было: ребятишки не пускали. Ну и живем без немцев. День, два, три. Тишина страшная. А на четвертый они нагрянули — сорок зверей, с пулеметами, с ружьями, как их... автоматами. Главный у них такой был — щеголь, пупырь вроде. Гордо ходит, а внутри заяц трусится.

— Ну, всех нас согнали на базарную площадь. Всех — старух, стариков, детишек, матерей с грудными ребятами. Сказали, чтобы мы ничего с собой не брали. Осмотр будет докторский. И погнали из села. Гонят и гонят. Через другие села гонят, а села-то сожженные. Угнали этак верст за пятнадцать да и к оврагу в поле. Стоим. Вдруг слышу, переводчик кричит: «Мария Савельева и Агафья Засолова, в сторонку отойти». Сердце у меня замерло, ну, думаю, конец мой пришел — убьют меня вместе с Агашей. А учитель Лагутин по дороге шепнул мне: «Маша, живой останешься — поклонись друзьям нашим и скажи то, что скажем мы тут».

Маша поднялась и поклонилась нашим бойцам и генералу:

— Вот и кланяюсь я вам. Агашенька тоже бы поклонилась, да не может... А что сказали они, передам сейчас... Ну, отошли мы с Агашей в сторонку, а тут уж солдаты выстроились, пулеметы выкатили. Молчат все. И наши молчат, и немцы молчат. Только вдруг учитель Лагутин закричал: «Да что вы делаете, изуверы проклятые? Детей-то хоть пожалейте. Грудных-то детей и матерей!»

Ну и началось. Камни и те, глядя на злодейство такое, с ума бы сошли. Щеголь немецкий команду подал. Народ закричал, застонал. Вы слышали когда-нибудь, как честные люди перед смертной минутой к жизни зовут? Не слышали? Ну, вот послушайте. Евдокия Пряхина своего грудного ребенка на руках высоко подняла, из толпы выступила и крикнула: «Меня-то убейте! А ребеночка, Коленку моего, за что? За что вы его? Ведь он, кроме моей груди, ничего не знает». А тут пулемет заговорил... Тогда выбежал наперед учитель Лагутин, повер-

нувшись в сторону страны нашей, и крикнул: «Родина! Друзья! Мстите за нас!» — и упал.

Снова наступило длительное, тяжелое молчание. Его прервал все тот же молодой боец.

— А ты-то как же в живых-то осталась? — участливо глядя на нее, спросил он.

— Я-то? Да ведь они меня нарочно оставили. Стереги, слышь, эту сестру свою и казись, глядя на нее...

Где ты, боец Василий Засолов — муж Агаши Засоловой, отец двенадцатилетней девочки Зины, сын Егора Ивановича Засолова? Где бы ты ни был, прочти этот бесхитростный рассказ Маши Савельевой. И вы, отцы, работающие в тылу — на заводе, на фабрике, на советских полях, прочтите этот рассказ...

И пусть у каждого из нас еще крепче стиснутся зубы и еще сильнее забурлит ненависть к врагу — бандиту, посягнувшему на нашу родину.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Константин Георгиевич Паустовский (19(31).05.1892, Москва — 14.07.1968, Москва) — прозаик, сценарист и педагог, журналист, военный корреспондент. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920—1930-е гг. работал журналистом в газетах «Станок» и «Моряк» (Одесса), «Правда», «Тридцать дней» и др., редактором «Окон РОСТА». После создания повести «Кара-Бугаз» (1932) полностью перешел на литературную деятельность. В 1941 году служил в первые месяцы войны на Южном фронте. Позже был откомандирован в аппарат ТАСС. В годы войны написал антифашистскую пьесу «Пока не остановится сердце», роман «Дым отечества», серию рассказов. За участие в Великой Отечественной войне награжден (посмертно) медалями «За оборону Одессы» (1995), «За отвагу» (1997).

Публикуемый рассказ «Робкое сердце» вошел в сборник «Ленинградская ночь» (М.: Военмориздат, 1943).

РОБКОО СЕРДЦЕ

Варвара Яковлевна, фельдшерница туберкулезного санатория, робела не только перед профессорами, но даже перед больными. Больные были почти все из Москвы, народ очень требовательный. Их раздражала жара, пыльный сад санатория, лечебные процедуры, одним словом — все.

Из-за робости своей Варвара Яковлевна, как только вышла на пенсию, тотчас переселилась на окраину города, в Карантин¹. Она купила там домик под черепичной крышей и спряталась в нем от пестроты и шума приморских улиц. Бог с ним, с этим южным оживлением, с хриплой музыкой громкоговорителей, ресторанами, откуда несет пригорелой бараниной, автобусами, треском гальки на бульваре под ногами гуляющих.

В Карантине во всех домах было очень чисто, тихо, а в садиках пахло нагретыми листьями помидоров и полынью. Полынь росла даже на древней генуэзской стене, окружавшей Карантин. Через пролом в стене были видны мутноватое зеленое море и скалы. Около них весь день возился, ловил корзинкой креветок старый, всегда небритый грек Спирос. Он лез, не раздеваясь, в воду, шарил под камнями, потом выходил на берег, садился отдохнуть, и с его ветхого пиджака текла ручьями теплая морская вода.

От робости своей Варвара Яковлевна не вышла замуж, и сватался-то к ней только провизор Гумперт — подслеповатый старичок, говоривший фальцетом.

---

¹ Карантин — микрорайон города Феодосия, самая древняя часть города. Здесь была расположена древняя греческая Феодосия, впоследствии — Генуэзская цитадель.